

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.33.13>

«ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАНТИЗМ» В ПОВЕСТЯХ Н.А.ДУРОВОЙ «СЕРНЫЙ КЛЮЧ» И Е.И. ГАН «УТБАЛЛА»

Научная статья

Аристангалиева Н.Б.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0003-4741-4326;

¹ Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (nurgul.a.72[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются повести Н.А.Дуровой «Серный ключ» и Е. А. Ган «Утбалла» на предмет этнографических элементов и их художественной роли. Присутствующие в повестях этнографические элементы, описывающие образ жизни инонационального этноса, их мифологию, функционируют в повестях по-разному: в «Серном ключе» они помогают созданию романтического двоемирия и его «вершины» – характера главной героини, в «Утбалле» этнографические элементы создают образ разноликого, полного превратностей мира, в котором до конца сохраняет свою глубокую духовность настоящий человек в ипостаси женщины. Повести имеют немало общего, что обусловлено гендерными особенностями, воплощаемыми через этнографические образы.

Ключевые слова: инонациональный этнос, этнографическое описание, романтизм, реализм.

"ETHNOGRAPHIC ROMANTICISM" IN N.A. DUROVA'S STORIES "SERNYJ KLYUCH" [SULFUR SPRING] AND E.I. GAN'S "UTBALLA".

Research article

Aristangaliev N.B.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0003-4741-4326;

¹ Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation

* Corresponding author (nurgul.a.72[at]mail.ru)

Abstract

The article examines the stories of N.A. Durova "Sernyj Klyuch" [Sulfur Spring] and E. A. Gan "Utballa" for their ethnographic elements and their artistic role. Ethnographic elements presented in the stories, describing the way of life of foreign ethnic groups, their mythology, function in the stories in different ways: in "Sernyj Klyuch" they help to create a romantic two-world and its "peak" - the character of the main heroine; in "Utballa" ethnographic elements create an image of a diverse world, full of pitfalls in which a real person embodied in the image of a woman preserves her deep spirituality to the end. The stories have much in common, which is due to the gender characteristics represented through ethnographic images.

Keywords: foreign ethnicity, ethnographic description, romanticism, realism.

Введение

Повести «Серный ключ» Н.А. Дуровой и «Утбалла» Е.А. Ган, написанные в одно и то же время относятся к романтической прозе. Присутствие в повестях этнографического описания образа жизни, обычаев, традиций инонационального этноса (это в большой степени можно сказать об «Утбалле»), а также вплетение в ткань произведения преданий и легенд, отражающее мифологическое сознание народа, позволяет говорить об «этнографическом романтизме» данных произведений. Романтическое и конкретно-реалистическое сочетаются в повестях, реалистическую струю вносит этнография и фольклор.

Обсуждение

Повесть «Серный ключ» принадлежит известной «кавалерист-девице» Н.А. Дуровой, творчество которой весьма высоко оценил А.С. Пушкин, «обнародовавший» ее литературный талант через свой журнал «Современник», склонивший писательницу к дальнейшему творчеству [13, С. 348], [12, С. 191]. Повесть написана в целом в романтической традиции, несмотря на позднее появление этого произведения – в период существенного явления реализма в русской литературе [10]; это проявляется в особенном «изыщном» стиле; в очень тонком акценте на отношениях мужчины и женщины в «обычной» части произведения и по глубочайшей драме женской любви в «легендарной» части повести.

Встреча молодого ротмистра и прекрасной рассказчицы, поведавшей о драматичной истории черемиски, подана изыщно, стилистически выверенно – с традиционными романтическими акцентами, стилистикой. Последнее не умаляет оригинальности стиля автора, его юмора, сопряженного с реалистическими деталями в виде сочной стерляди или не желающего пить «серную» воду мальчика. Образы повести в целом выглядят более реалистично, чем в традиционных романтических произведениях. Помимо прочего, заметна соответствующая эпохе «самоирония» романтизма. Правда, у Н.В. Гоголя, например, она носит более «объективный», более «заметный» характер (в лирическом отступлении, связанном с женщинами в «Мертвых душах» или даже в описании бала в том же

произведении) [2, С. 354-365], [14]. У Дуровой же наблюдается своеобразная органичная самоирония, удачно сочетающей в одном произведении возвышенное и юмористическое, индивидуальное и эпохальное, глубокую важность любви и меткие социальные, национальные и иные характеристики. (Примером может служить отрывок: «Молодой человек с горестью облокотился на памятник, над могилою прежнего друга. Она так много, так внятно говорила его сердцу. Л... закрыл лицо руками и отдался мыслям, которые, сменяя одна другую, перенесли наконец его от плачевной судьбы Сендомирского к славе, блеску, силе, богатству, цветущему состоянию, смутам, раздорам, междоусобным войнам, упадку его отечества, Польши....») [6].

В произведении такого рода романтическая линия сохраняет свою чистоту, если можно так выразиться – святость, когда речь идет именно о любви, об отношениях мужчины и женщины. С этой точки зрения нельзя не сказать, что «черемисская» история Зеилы и Дукмора носит своеобразный характер элемента романтического двоемирия, и вместе с тем имеет стилистические черты «этнографического описания». Будучи обобщенно описанным, образ жизни черемисов предстает перед читателем в особой специфике, при этом он завершается в конце повести «философско-романтическим» выводом об особой поэтичности, естественной человечности представителей этого народа. Надо отметить, что вывод делается не в связи с «экзотичностью» этноса, а именно в связи с особенностями марийцев, противопоставленных другому этносу: «...образ жизни черемисов, их нравы, обычаи, язык, тайная привязанность к идолопоклонству, выбор места для жилищ всегда среди лесов отделяют их совершенно от других племен и осуждают на всегдашнее одиночество. Черемис природно грустен; его не развлекает ни одно из тех упражнений, которыми занимаются его соседи татары, как-то: торговля, мена... он только пашет землю и зимою ловит белок, чтобы, продав их кожу, купить себе соли...Разум его, не занятый житейскими заботами, имеет весь досуг погружаться в таинственность нелепых обрядов давней веры, что делает его мрачным, скрытным, недоверчивым; он молчалив даже в своей семье...» [6]. Интересно, что подобные размышления героини «Серного ключа» соотносятся с психологическими особенностями финно-угорских народов [9].

Своеобразно соединяя в выводе об инациональном этносе романтическое и реалистическое, автор «Серного ключа» использует образ черемисов, влюбленных черемисов как романтическое противопоставление натур более глубоких, тонких – «обычному миру». Правда, и по отношению к самим черемисам, описанным с немалым количеством социально-бытовых (в основном неэтнических) деталей, главные герои выступают зачастую как необычные, идеальные, при этом в произведении нет существенных социальных и иных конфликтов. Образы повести, согласно эпохе, носят более реалистический характер (благодаря этнографическому описанию образа жизни, обычаев, обрядов черемисов), чем «классическое» романтическое произведение, при этом невероятная романтическая возвышенность, связанная в основном с идеей, переживанием любви, в каком-то плане противостоит «обыденности» – «склоняющейся» перед силой чувств, уважающей ее, в лице рассказчицы и внимающего ей ротмистра. Немалую роль в философско-романтическом возвышении любви как квинтэссенции настоящей жизни (более традиционно – противопоставлении) и играет национальный характер, особая душа черемисов, оказавшаяся способной на огромную любовь. Эту историю рассказывает Н.А. Дурова, оригинально и одновременно классически используя прием рассказ в рассказе, соединяя романтизм с реалистическими чертами стиля, повествуя о любви черемисов как о реальной истории – потрясающе возвышенной, при этом подавая ее как легенду, сказание, в традициях романтизма вкупе с реалистическим (этнографическим) описанием этноса (черемисов-марийцев). Фольклорно-мифологическая составляющая повести, выраженная в предании о злом духе Керемете, который может принимать облик огромного черного медведя, выступает как злой рок и темная сила, приводящая к трагической гибели героев.

Повесть Е.А. Ган «Утбалла» достаточно реалистически отражает жизнь, обычаи калмыков, более того, именно благодаря Ган калмычка впервые становится героиней русской литературы. Впитав в себя богатые традиции русской культуры, литературы, Е.А. Ган оказалась способна постигнуть и инокультурный мир, этому способствовало непосредственное общение с калмыками (отец писательницы по долгу службы исполнял обязанности попечителя калмыцких кочевий). Будучи матерью знаменитой Е. П. Блаватской, обратившей серьезное внимание на теософию на базе в том числе тибетских учений, буддизма [1, С. 46-56], Е.А. Ган, безусловно, передала эстафету понимания инокультурной духовной реальности. При этом сама писательница, о которой идет речь, творила в духе замечательной французской романистки Ж. Санд, громко заявившей о женской эмансипации в смысле свободы человеческой личности, чувств [11, С. 109-111]. И Ж. Санд, и Е.А. Ган удостоились высочайшей похвалы великого русского критика В.Г. Белинского, безусловно, осознававшего огромную прогрессивную роль произведений указанных авторов, их высокую художественную ценность [7, С. 18-22], [3, С. 71-73].

Если Ж. Санд – преимущественно романтик в литературе, то повесть «Утбалла» Е.А. Ган по характеру социально-бытовой типизации, характеру деталей, по многим элементам стиля может быть названа реалистической, с элементами романтизма. Реализм, к которому «шагнула» Ган, связан и с тенденциями русской литературы, и с образом жизни семьи, в которой она воспитывалась, и с впечатлениями, весьма расширявшими кругозор, углублявшими мышление. Романтизм, пожалуй, проявляет себя в произведении «Утбалла» в некоторых «традиционных формулах», оборотах, которыми описываются те или иные чувства, ситуации, и – самое главное – в неимоверном возвышении любви в повести. Так же, как и Н. Дурова, Е. Ган превозносит любовь, обе они, делают это тонко, целомудренно – глубоко органично. Автор «Утбаллы» так описывает любовь: «Сердце женщины следует за своей звездой» (которая, согласно калмыцкому мифу и концепции автора, невелика, незаметна постороннему глазу...). Возлюбленный героини «смотрел ей в глаза, желая вычитать в них душу». Добавим сюда признания героини: «Я была твоей прежде, чем стала понимать себя» и «Я буду любить тебя, пока последняя искра жизни не потухнет во мне» [5].

Е. Ган реалистичными, сочными штрихами рисует обычаи, характер калмыков, созданный уже другой исторической реальностью, по сравнению с характером черемисов у Н. Дуровой [8], [15, С. 119-124]. Будучи в основном реалистом, Ган использует этнографические элементы описания, образов как жизненный фон произведения, как образ сложных обстоятельств.

В произведении «Утбалла» (как и в рассмотренной нами выше повести Н. Дуровой) важны философские обобщения, склонность к глубокой мудрости, гармонии женщины-писателя. Это проявляется у Ган и в общем тоне повествования, рассуждений, и в «смирении» перед судьбой, и в огромной вере в любовь. Для донесения до читателя своей концепции любви, мира, Ган, как и Дурова, пользуется фольклорно-мифологической стилистикой: калмыцкая сказка о неприметном цветке, всем сердцем полюбившем «незаметную» серебряную звезду, обратившую на него внимание, согревшую его душу, помогает Борису понять невероятную любовь Утбаллы и ответить на нее взаимностью. В то же время рассказ господина Зеркова о реальных событиях (рассказчик не хочет называть имен участников драмы) напоминает легенду – так драматичны и велики характеры любящих калмыков. Думается, что этот этнографический элемент – рассказ Зеркова – несмотря на всю свою «экзотичность» реалистичен по сути: во-первых, он отражает реальные черты характера этноса в «окружении» бытовой конкретики, во-вторых, он подчеркивает именно сложность жизни в различных ее условиях и силу духа человека. В любом случае этот элемент работает на развитие сюжета, характера главных героев, основной мысли произведения. Именно конкретика национального характера калмыков в реалистической повести Ган определяет сюжет произведения, влияет на его финал.

Надо сказать, у Н. Дуровой, у Е. Ган заметно глубокое женское стремление к гармонии, к миру. В этом смысле следует сказать о нежных материнских образах, мотивах, об образах дома, присутствующих в обеих повестях – они сопрягаются с сиротством главных героинь (как с сиротством человека в сложных обстоятельствах XIX в.) и со стремлением, возможностями мира компенсировать сиротство (черемисы, возможно в силу национального характера, вообще дают сироте много мам, а дом – в каждом доме селеня; красавица-сирота может у них не работать, настолько она всеми любима, здесь в принципе показана способность жизни любить, как это увидел автор – «кавалерист-девица» Дурова). В этой связи приведем высказывание возлюбленного Утбаллы: «Я создал для тебя новую родину на груди моей». В то же время у Дуровой можно увидеть «иронию» над «примитивным» образом жизни черемисов, а что касается Е. Ган, то здесь критика калмыков, имеющая, согласно художественной структуре произведения, реалистические черты, может быть связана со стремлением общества к цивилизованности, к борьбе за лучшую участь женщины, что было важно в период написания произведения, как и характерная черта всего творчества Е. Ган.

Надо сказать, что реализм Е.А. Ган носит философско-чувственный характер, для него важнее чувства, образ мира вообще, но через призму социально-бытовой конкретики, через мироощущение и миропонимание инонационального этноса. Важны исторические детали образа мира Ган: описывая символический образ Волги, преодолевающей страшные гранитные камни и способной вынести людей из роковых обстоятельств (проводится параллель с любящими друг друга людьми, которых может «вынести» жизнь), писательница упоминает и русских князей, спасавших страну в лихую годину (Волга – «свидетельница славы князей»; напомним, что повесть Дуровой также не чужда исторических, политических деталей). В любом случае, как писатель-реалист, Ган своеобразно внимательна к бытовым деталям, к этнографическим элементам, к национальным особенностям характера калмыков.

Нельзя не отметить роль природных, пейзажных образов, в том числе калмыцких, в повести Е.А. Ган «Утбалла»: очень часто они сопровождают описания, раскрытие чувств персонажей, в том числе женских. Тонко участвуя в пейзажном параллелизме, такие образы доносят до нас великолепный мир эмоций, переживаний. Природные образы создают литературные детали, символы, они помогают портретным характеристикам. Во фрагменте «запоздалый лист, отпадая от родной ветви, трепетал, несясь в воздухе, будто ночной посланец судеб, слетающий на землю с горем для человека» присутствуют мотивы материнства, сиротства, рока, при этом он помогает создать пейзажную, бытовую конкретику, выполняет чисто психологические функции в произведении. Проявляя эстетические, духовные особенности [4, С. 105-114], Е.А. Ган очень тонко, чутко, внимательно рисует образы природы, по-разному, сложно используя их в произведении, например, красоту лица Утбаллы писательница сравнивает с особенным румяным яблоком.

Заключение

Этнографические элементы повести Е.А. Ган в основном носят реалистический характер, показывая сложность жизни человека в полном превратности мире. Калмыцкие образы усиливают образ сложности, непредсказуемости жизни, в которой человеку надо разбираться, чтобы до конца сохранять свою духовность. Национальный характер калмыков, как и предания, мифология, связанные с ними (в том числе создаваемые современной жизнью), также работают на эту идею – в отличие от романтической по своему характеру повести «Серный ключ» Н. А. Дуровой, где «легендарные» мотивы жизни черемисов (тоже вроде бы созданные с современной жизнью – дань развивающемуся реализму) функционируют более как философско-романтическое средство. В повести Н. Дуровой этника черемисов определенным образом служит романтическому двоимирию, «возвышающему» необычный характер.

И у той, и у другой писательницы этнографические элементы и этнографические образы усиливают «реализм» произведений, несмотря на «романтизм», связанный с тяготением к гармонии, миру, мудрой целостности восприятия жизни, где душа ищет любви, помощи, понимания и сама готова все это дать, несмотря ни на что.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Лебединская В.Г., Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.33.13.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Lebedinskaya V.G., Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.33.13.1>

Список литературы / References

1. Бернюкевич Т.В. Буддизм в теософии Е. П. Блаватской: к проблеме «философского изобретения» / Т.В. Бернюкевич // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия - 2009 - № 1. - С. 46–56
2. Вранчан Е.В. Расподобление романтизма в творчестве Н.В. Гоголя (на примере повести «Коляска») / Е.В. Вранчан // Идеи и идеалы - 2019 - т. 11, № 4, ч. 2 - С. 354–365
3. Вяткина Е.А. Этнопоэтика повести Елены Ган «Утбалла» / Е.А. Вяткина // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН - 2013 - т. 6, № 1 - С. 71–73
4. Гаврилина О.В. Чувство природы как один из способов создания образа героини в женской прозе (на материале творчества Светланы Василенко) / О.В. Гаврилина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина - 2009 - т. 1 - № 2 (26) - С. 105–114
5. Ган Е.А. Утбалла / Е.А. Ган // Сочинения Зенеиды Р-вой в 4 т. - Т. 1. - СПб, 1943. - С. 87–255
6. Дурова Н.А. Серный ключ / Н.А. Дурова - URL: <https://www.litmir.me/br/?b=117658&p=1>; <https://www.litmir.me/br/?b=117658&p=7> (дата обращения: 19.08.2022)
7. Кафанова О.Б. Жорж Санд как феномен русской литературы и культуры / О.Б. Кафанова // Вестник Томского государственного педагогического университета - 2000 - № 6. - С. 18–22
8. Крысько В. Буряты и калмыки // В. Крысько - Этническая психология. М., 2008
9. Крысько В. Финно-угорские народы России / В. Крысько - Этническая психология. М., 2008
10. Маркович В. Развитие реализма в русской литературе / В. Маркович // Вопросы литературы - 1976 - № 3
11. Михайлова Н.Е. Женская эмансипация в русской и французской литературе 30–60 годов XIX века (на примере произведений Жорж Санд и Авдотьи Панаевой) / Н.Е. Михайлова // В мире научных открытий - 2010 - № 4–2 (10) - С. 109–111
12. Дурова Н. Записки кавалерист-девицы / Н. Дурова - Татарское кн. изд-во, 1966. - 191 с.
13. Пушкин А.С. О выходе книги: кавалерист-девица, в издании Ив. Бутовского / А.С. Пушкин // Сочинения А.С. Пушкина. Издание Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, под редакцию и с объяснительными примечаниями П.О. Морозова. - Т. V. - Критические, библиографические, полемические и исторические статьи и заметки. Дневник (1815–1837). - СПб: типография А.С. Суворова. - 348 с.
14. Смирнов А.С. Романтическая ирония в русской литературе первой половины XIX века и творчество Н.В. Гоголя / А.С. Смирнов - Гродно: ГрГУ, 2004
15. Харчевникова Р.П. Психолингвистический портрет калмыка: личностные и волевые характеристики / Р.П. Харчевникова, Т.С. Есенова, Ю. Цэндээ // Вестник Калмыцкого университета. - 2018 - № 40 (4). - С. 119–124

Список литературы на английском языке / References in English

1. Berynyukevich T.V. Buddizm v teosofii E. P. Blavatskoj: k probleme «filosofskogo izobreteniya» [Buddhism in the Theosophy of E. P. Blavatsky: to the problem of "philosophical invention"] / T.V. Berynyukevich // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy] - 2009 - No.1 - pp. 46–56 [in Russian]
2. Vranchan E.V. Raspodoblenie romantizma v tvorchestve N.V. Gogolya (na primere povesti «Kolyaska») [Dissimilarity of romanticism in the works of N.V. Gogol (on the example of the story "Carriage")] / E.V. Vranchan // Idei i idealy [Ideas and ideals] - 2019 - vol. 11, no. 4, part 2 - pp. 354–365 [in Russian]
3. Vyatkina E.A. Etnopoetika povesti Eleny Gan «Utballa» [Ethnopoetics of Elena Gan's story "Utballa"] / E.A. Vyatkina // Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences] - 2013 - V. 6, no.1 - pp. 73-75 [in Russian]
4. Gavrilina O.V. Chuvstvo prirody kak odin iz sposobov sozdaniya obraza geroini v zhenskoj proze (na materiale tvorchestva Svetlany Vasilenko) [Feeling of nature as one of the ways to create the image of the heroine in women's prose (based on the work of Svetlana Vasilenko)] / O.V. Gavrilina // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina [Bulletin of the Leningrad State University. A.S. Pushkin] - 2009 - vol. 1 - no. 2 (26) - pp. 105–114 [in Russian]
5. Gan E.A. Utballa / E.A. Gan // Sochineniya Zeneidy R-voj [Works of Zeneida R-voi in 4 volumes] - Vol. 1. - St. Petersburg, 1943. - pp. 87-255 [in Russian]
6. Durova N.A. Sernyj klyuch [Sulfur spring] / N.A. Durova - URL: <https://www.litmir.me/br/?b=117658&p=1>; <https://www.litmir.me/br/?b=117658&p=7> (accessed: 19.08.2022) [in Russian]
7. Kafanova O.B. Zhorzh Sand kak fenomen russkoj literatury i kul'tury [George Sand as a phenomenon of Russian literature and culture] / O.B. Kafanova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University] - 2000 - No. 6 - pp. 18–22 [in Russian]
8. Krysko V. Buryaty i kalmyki [Buryats and Kalmyks] / V. Krysko - Etnicheskaya psihologiya [Ethnic psychology]. - M., 2008 [in Russian]
9. Krysko V. Finno-ugorskie narody Rossii [Finno-Ugric peoples of Russia] / V. Krysko - Etnicheskaya psihologiya [Ethnic psychology]. M., 2008. [in Russian]
10. Markovich V. Razvitie realizma v russkoj literature [The Development of Realism in Russian Literature] / V. Markovich // Voprosy literatury [Questions of Literature] - 1976 - № 3 [in Russian]
11. Mihajlova N.E. Zhenskaya emansipaciya v russkoj i francuzskoj literature 30–60 godov XIX veka (na primere proizvedenij Zhorzh Sand i Avdot'i Panaevoj) [Female emancipation in Russian and French literature of the 1930s–60s (on the example of the works of George Sand and Avdotya Panaeva)] / N.E. Mihajlova // V mire nauchnyh otkrytij [In the world of scientific discoveries] - 2010 - № 4–2 (10). - pp. 109–111 [in Russian]
12. Durova N. Zapiski kavalerist-devicy [Notes of a cavalry girl] / N. Durova - Tatar book. publishing house, 1966. - 191 p. [in Russian]

13. Pushkin A.S. O vyhode knigi: kavalerist-devica, v izdanii Iv. Butovskogo [On the publication of the book: a cavalry girl, in the publication of Iv. Butovsky] / A.S. Pushkin // Sochineniya A.S. Pushkina. Izdanie Obshchestva dlya posobiya nuzhdayushchimsya literatoram i uchenym, pod redakcieyu i s ob"yasnitel'nymi primechaniyami P. O. Morozova. - T. V. - Kriticheskie, bibliograficheskie, polemicheskie i istoricheskie stat'i i zametki. Dnevnik (1815–1837) [Works of A.S. Pushkin. Publication of the Society for assistance to needy writers and scientists, edited and with explanatory notes by P. O. Morozov. - T. V. - Critical, bibliographic, polemical and historical articles and notes. Diary (1815–1837)] - St. Petersburg: publishing house of A.S. Suvorov. - 348 p. [in Russian]

14. Smirnov A.S. Romanticheskaya ironiya v russkoj literature pervoj poloviny XIX veka i tvorcestvo N.V. Gogolya [Romantic irony in Russian literature of the first half of the 19th century and the work of N.V. Gogol] / A.S. Smirnov - Grodno, 2004 [in Russian]

15. Harchevnikova R.P. Psiholingvisticheskij portret kalmyka: lichnostnye i volevye harakteristiki [Psycholinguistic portrait of a Kalmyk: personal and volitional characteristics] / R.P. Harchevnikova, T.S. Esenova, Yu. Cendee // Vestnik Kalmyckogo universiteta [Bulletin of the Kalmyk University] - 2018 - № 40 (4) - pp. 119–124 [in Russian]